

Побуждение Ума

**Первая двадцатка. Диалог с
самим собой через двадцать лет**

Побуждение Ума

**Первая двадцатка. Диалог с
самим собой через двадцать лет**

«Автор»

2026

Ума П.

Первая двадцатка. Диалог с самим собой через двадцать лет /
П. Ума — «Автор», 2026

«Первая двадцатка» — диалог с самим собой через двадцать лет. Картография юного бунтаря (2005-2008) накладывается на технический дневник кризиса (2025-2026). Поэзия одиночества против протоколов выгорания. Теория свободы — против практики кредитов. Манифесты о контроле — против панических атак. Это не мемуары. Это аудит души, где старые тексты задают вопросы, а новая жизнь даёт безжалостные, исцеляющие ответы. Книга о том, как идеи, выстраданные в юности, приходят проверить тебя на прочность в зрелости. И как в этом столкновении рождается третья сила — не юношеский maximalism и не взрослая усталость, а искусство дозированного, бережного проживания собственной судьбы.

© Ума П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. ДИАЛОГ К ТЕКСТУ «СМОТРЯ В НЕБО...» (СУСТАВ ПРИМИРЕНИЯ)	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Побуждение Ума

Первая двадцатка. Диалог с самим собой через двадцать лет

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга – не собрание сочинений. И не мемуары. Это – протокол столкновения. Столкнулись две эпохи одного сознания.

Первая эпоха: Картограф (2005-2008). Ему было семнадцать, восемнадцать, девятнадцать. Он жил на окраине города и в эпицентре внутренней бури. У него не было инструментов, чтобы её обуздать, кроме одного – слова. Он писал. Не для публики, а для спасения. Каждый текст был актом разведки и закрепления территории. Он давал имена непонятым силам внутри: «Одиночество как смех», «Убийственная свобода», «Активный персонаж». Он чертил карту своей вселенной с отчаянной, наивной точностью. Эта карта, двадцать текстов, называлась «Первая двадцатка». Она была его личным мифом, сводом законов, по которым, как он верил, устроен мир.

Вторая эпоха: Обитатель (2025-2026). Ему за сорок. У него есть то, о чём мечтал картограф: дело, семья, статус. И есть то, о чём картограф лишь догадывался, описывая чужие боли: хроническая усталость, фоновый гул тревоги, ощущение, что живёшь не свою жизнь, а чей-то грамотно составленный чертёж. Эта эпоха оставила другой документ – технический дневник. В нём нет метафор. Есть сухие записи симптомов: «опустошённость», «ком в горле», «сжатые челюсти», «страх». Это лог-файл системы, которая дала сбой именно в тех узлах, которые двадцать лет назад были помечены на карте как «опасные зоны».

Я положил эти два документа рядом. Карту и отчёт о крушении. И между ними возникло напряжение. Не воспоминание – диалог.

Юноша-картограф, глядя на меня сквозь годы, спрашивает: «Ну что? Я был прав? Мир – это боль? Свобода – ловушка? Одиночество – единственная родина?»

А я, обитатель, листая дневник с констатацией своих поражений, ищу ответ не в его философии, а в своей конкретике. В чашке чая, которая сняла панику. В сеансе у психолога, где пришлось говорить с мальчиком, застрявшим в прошлом. В тихом решении «попробовать ещё раз», когда всё внутри кричало «всё бессмысленно».

Зачем я это делаю?

Не для ностальгии. Не для самобичевания. А для связи. Чтобы навести мост через пропасть времени и понять: я не предал того парня. Я просто взял его карту и отправился в путь, который он для меня наметил. Я заселил его территории. И теперь мы, создатель и житель, должны договориться о правилах совместного проживания. О ремонте прохудившейся крыши его теорий. О перепланировке комнат, оказавшихся слишком тесными для взрослой жизни.

Этот диалог – попытка инвентаризации. Что из его пророчеств сбылось? Что оказалось красивой, но опасной иллюзией? Где проходила граница между гениальным предвидением и юношеской манифестацией собственной боли?

Я пишу это с инженерной целью: понять схему поломки, чтобы найти точку приложения для починки. И с лирической – потому что разговариваю с самой важной и самой ранимой частью себя. С тем, кто когда-то, отчаявшись, придумал целый мир, чтобы в нём выжить.

Если вы читаете это, значит, моя частная археология души может оказаться вам чем-то полезна. Не как инструкция, а как пример наложения карты на местность. Как доказательство того, что самые важные слова мы пишем себе на двадцать лет вперёд. И как напоминание: рано

или поздно эти слова придут за нами, чтобы спросить – а как там, на той территории, куда ты меня отправил? Живо ли там ещё что-нибудь, кроме ветра и развалин?

Давайте проверим.

2026

ЧАСТЬ I: ТЕРРИТОРИЯ ОДИНОЧЕСТВА

1. ДИАЛОГ К ТЕКСТУ «СМОТЯ В НЕБО...» (СУСТАВ ПРИМИРЕНИЯ)

ТОГДА (2006):

«...его знали многие, но эти самые многие никогда не воспринимали его таким, каким он есть... даже между двумя враждующими группировками он был как сустав... сустав примирения... разрешая чужие проблемы и чужие беды... он с горечью понимал, что никто не поможет ему разобраться в себе.»

ПУТЬ (2025, из дневника):

20.11.2025: *«Проснулся, нету энергии совсем... похоже что это выгорание... совсем нет сил. Грусть, печаль, апатия. Опустошенность, усталость, подавленность, бессилие.»*

13.12.2025: *«Днем не мог переключить гиперфокус с работы... Вечером понял это. О нет, как же я устал, так нельзя. Грусть, потерянности. Опустошенность, усталость, подавленность, бессилие.»*

05.01.2026: *«...она сказала, что "взрослый ребенок с повышенной ответственностью"... я не показывал вид о чем думаю, давая ей основу и поддержку... Грусть, потерянности, печаль. Опустошенность, подавленность.»*

СЕЙЧАС (2026):

Сустав примирения.

Ты придумал красивую, страшную и абсолютно точную метафору. Ты думал, что описываешь характер, судьбу, таубе предназначение. На самом деле ты описал механизм износа.

Вот как это работает на практике, в материале моих дней.

Утро. Просыпаешься с уже готовым решением – сегодня будешь «суставом». Между раздраженным собственником и нерадивым менеджером. Между требовательной школой и уставшей женой. Между кредитором и собственным страхом. Ты не выбираешь эту роль. Ты обнаруживаешь себя в ней, как обнаруживаешь утром собственное тело. Это данность. Твоя функция – компенсировать, амортизировать, предотвращать разрыв.

Ты писал про «горечь понимания». Я записываю в дневник: «нету энергии совсем». Это не метафора. Это физика. Сустав не болит от философской грусти. Он болит от трения. Постоянного, ежедневного, год за годом трения между мирами, которые не хотят притираться друг к другу, но вынуждены сосуществовать.

День. Сотрудник передал ключи от клиентской машины не тому человеку, чтобы уйти пораньше. Внутри вспыхивает чистое пламя гнева: «Ты что, обнаглел?» Но сустав не может позволить себе гореть. Его задача – гасить. Так что внешне – только «хмурый взгляд, сжатые губы, напряжение». Ты пропускаешь эту энергию конфликта «сквозь себя», как советовал в «Трансерфинге». Не обмениваешься. Не вовлекаешься. Просто принимаешь удар на конструкцию, а не на нервную систему. Кажется, что победа.

Но каждая такая микротравма оставляет след. Не в душе – в ткани. В «ломоте тела», которую я аккуратно фиксирую в дневнике. В «головной боли», которая приходит не от недосыпа, а от постоянного сжатия челюстей. Сустав изнашивается не от одного удара, а от миллионов микронагрузок, невидимых глазу.

Вечер. Дома – другая система, другой тип напряжения. Здесь нужно быть суставом между ожиданиями и реальностью, между усталостью и обязанностями, между желанием близости и её фактическим отсутствием. «Не показывал вид о чем думаю, давая ей основу и поддержку» – это не великодушие. Это инженерное решение. Показать «вид» – значит создать новую точку напряжения, добавить нагрузку на уже перегруженный узел. Проще заглушить сигнал. Изолировать вибрацию.

И вот результат, который ты, юноша, предсказал, но не смог представить в таких деталях: опустошенность. Это состояние сустава, который исчерпал весь запас синовиальной жидкости – той самой «энергии», что позволяет частям двигаться относительно друг друга без разрушительного трения. Он сухой. Он скрипит. Каждое движение даётся с болью, но механизм нельзя остановить.

Ты спрашиваешь: «Почему никто не поможет ему разобраться в себе?»

Я отвечу тебе из 2026-го: потому что «разобраться в себе» – это роскошь. Это остановка всего механизма на профилактический ремонт. А когда ты – ключевое связующее звено, твоя остановка означает коллапс системы. Семья, бизнес, обязательства – всё это начинает сыпаться, стоит тебе на день выйти из роли «амортизатора». Поэтому проще не «разбираться», а продолжать скрипеть. До тех пор, пока не наступит состояние, которое в дневнике называется «бессилие» – отказ узла выполнять свою функцию вопреки всем законам физики.

Ты был прав. Ты описал не просто персонажа – ты описал инженерную схему моей жизни. Ты оказался провидцем, но провидцем-садином: ты указал на болезнь, не предложив лечения.

Лечение, как выяснилось, начинается с простого и невероятно сложного признания: сустав имеет право на техобслуживание. Он не вечен. Ему нужна смазка (для меня ею стал горячий сладкий чай, буквально менявший химию тела за десять минут). Ему нужны периоды разгрузки (те самые «пять минут тишины в машине», которые ценнее часового сеанса медитации). И, самое главное, ему нужно признать, что его износ – не провал, а естественный итог работы.

Моя ошибка была в том, что я двадцать лет считал себя героем драмы – мучеником, связующим, страдальцем за общее благо. На самом деле я был инженерным элементом. И относиться к себе нужно было с такой же практичной, лишённой романтики бережностью: следить за нагрузкой, вовремя смазывать, знать предел прочности.

Сустав примирения не сломался. Он просто исчерпал ресурс, рассчитанный на два десятилетия непрерывной работы. Сейчас идёт тихий, мучительный процесс его замены. Не на новый – на переосмысленный. На сустав, который умеет не только принимать нагрузку, но и перераспределять её. Который может иногда сказать: «Извините, сегодня я на профилактике. Разбирайтесь сами».

Это, кажется, и есть то самое «разобраться в себе», о котором ты говорил с такой горечью. Не найти магическую истину, а просто – наконец-то – заняться техническим обслуживанием собственной души.

Ты нарисовал карту. Я по ней прошёл. Теперь мы оба знаем: на ней не хватает важных обозначений – «здесь нужен отдых», «опасность износа», «пост техобслуживания». Давай дополним её вместе. У нас есть ещё время.

2. ДИАЛОГ К ТЕКСТУ «ОДИНОЧЕСТВО КАК СМЕХ»

ТОГДА (2006):

«Контролируемое одиночество, рождает гениев и шизофреников... Как приятно бывает вырваться из паутины окружающей суеты и оказаться в стороне от окружающего мира... Когда осознаешь, что ты одинок, можно переосмыслить все происходящее вокруг и получать от этого удовольствие... Ты знаешь о том, что нельзя подглядывать твои картины, виды. И

только тогда, когда ты понимаешь о том, что одиночество, забирает тебя к себе навсегда, ты по-настоящему задумываешься: «Где лучшие?». Здесь, в самом себе? Или в кругу дружной шумной компании.»

ПУТЬ (2025, из дневника):

29-30.10.2025: «Попробовал технику с внутренним ребенком... Когда я спросил его, "чего ты больше всего боишься?" он начал повторять "Одиночество, одиночество" и у меня на лице появилась гримаса и я начал плакать... появилась другая картина, как я один дома жду родителей у окна... и боюсь отвернуться от окна в сторону коридора так как вдруг там кто-то появится... На меня нахлынула вторая волна слез, ком в горле, головная боль... Я проговорил "теперь я взрослый, сильный никогда не оставлю тебя. Мы будем вместе.»

23.10.2025: «Дома отмечаем день рождения старшего сына. Грусть, отчаяние, печаль, одиночество. Опуцанный взгляд, опустошенность, усталость...»

28.10.2025: «Проснулся. я одинокий. грусть, потерянности, печаль, одиночество, апатия. опустошенность, усталость, подавленность, бессилие.»

СЕЙЧАС (2026):

«Одиночество как смех». Красиво. Поэтично. Гордо. Как будто одиночество – это выбор сильного. Личный кабинет гения, куда не стучится глупая толпа. Ты описал его как власть. Как позицию наблюдателя на балконе, с которого видно все смешные суеты маленьких людей внизу.

Ты был гениально прав в одном: одиночество действительно рождает. Но ты не уточнил – кого и из чего.

Двадцать лет спустя я встретил того, кого оно родило. Не гения. Не шизофреника даже. Маленького мальчика. Он сидел один в пустой квартире, у окна, и боялся отвернуться от него. Не потому что там было что-то страшное на улице. А потому что за его спиной была пустота квартиры, коридора, мира. Он ждал, что кто-то должен прийти. И отчаянно боялся, что никто не придёт. Этот мальчик и был тем самым «внутренним ребенком», который на сеансе выкрикивал одно слово: «Одиночество!». Не как философскую категорию. Как диагноз. Как приговор. Как первичную боль, на которой выстроилась вся твоя красивая, насмешливая теория.

Ты думал, что описываешь «контролируемое одиночество». На самом деле ты описывал симптом. Блестящую, сложную психическую конструкцию, которую сознание выстроило вокруг раны, чтобы к ней нельзя было прикоснуться. «Смех» – это не отношение к одиночеству. Это способ его не чувствовать. Превратить боль в превосходство. Одиночество из травмы – в эстетический выбор. Из слабости – в силу.

И знаешь что? Это сработало. Блестяще. Два десятилетия я носил в себе эту схему, как доспехи. «Мне хорошо одному». «Я самодостаточен». «Мне не нужна ваша шумная компания, у меня есть целые миры в голове». Это позволяло работать в одиночку, принимать решения в одиночку, терпеть непонимание в одиночку. Это была функциональная мифология.

Пока не появилась семья. Дети. Жена. Люди, которые по определению не должны оставлять тебя одного. И тогда выяснилось страшное: механизм «одиночества как смеха» не отключается. Он продолжает работать. Ты сидишь за столом в день рождения собственного сына, вокруг смех, гомон, жизнь – а внутри включается старая, отлаженная программа: «Я одинок». Не потому что тебя бросили. А потому что ты не умеешь быть не одиноким. Ты разучился. Твоя защита стала твоей тюрьмой.

Запись от 28 октября: «Проснулся. я одинокий». Это не наблюдение. Это реакция системы. Автоматический ответ психики на пробуждение в мире, где есть другие люди: «Внимание! Ты одинок! Включи защиту! Включи смех! Включи превосходство!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.